

**НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПОЛИТИКЕ США
В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ:
анализ современной американской политологии**

Революции 1989 г. в Восточной Европе повлияли не только на развитие стран региона, но и на всю систему международных отношений, на политику единственной на современном этапе супердержавы — США. На сегодняшний день существует уже достаточно репрезентативное количество работ американских политологов, позволяющее судить о тех тенденциях, которые наметились в американском подходе к Восточной Европе, да и в целом к той новой расстановке сил, одной из причин которых стали восточноевропейские революции.

Изменившаяся ситуация потребовала от США переосмысления своих задач в регионе. Большинство американских ученых исходит из необходимости сохранения и поддержания стабильности в Европе и в мире. Один из известных консерваторов Р. Хатчингс прямо декларирует: «Мы заботимся, или должны заботиться о Центральной и Восточной Европе т. к. мы не хотим, чтобы этот регион стал ареной хронической нестабильности и так как мы не хотим, чтобы конфликт на Востоке разъедал западноевропейское единство. Мы хотим, чтобы эти страны могли успешно служить моделью для более дальних стран, стоящих перед лицом даже более серьезных проблем, таких как Россия, Украина и др. Мы хотим, чтобы они могли влиться в сообщество демократических государств»¹. Таким образом, по мысли Хатчингса, Восточная Европа, бывшая причиной конца «холодной войны», сегодня еще более важна для США, т. к. она является «ключом к порядку в Европе после «холодной войны»².

Однако значительная часть американских ученых не видит понимания этих проблем со стороны правительства, не видит готовности администрации Клинтона осознать новые

региональные задачи и увязать их с задачами более общего плана.

С этой точки зрения большой интерес вызывает работа одного из крупнейших футурологов современности, специалиста по глобальным вопросам З. Бжезинского «План для Европы». По его мнению, конец «холодной войны» породил три важнейших и неотложных вопроса, решение которых поможет администрации Клинтона осознать американские задачи и возможности. Это вопрос компетенции НАТО, отношение НАТО и Европы к России и, последнее, роль единой Германии в мире после «холодной войны»³. Очевидно, что Бжезинский не включает в этот ряд собственно восточноевропейский вопрос. Однако, подспудно он входит в каждый из этих глобальных вопросов. Во-первых, как проблема включения восточноевропейских государств в НАТО; во-вторых, как одна из возможных причин ухудшения отношений с Россией, и в-третьих, как арена борьбы между США и Германией, каждая из которых может сегодня претендовать на приоритет в Восточной Европе.

Действия, а вернее бездействие Б. Клинтона, как в свое время бездействие Д. Буша, вызывает массу нареканий со стороны американской научной элиты. Время уходит, а с ним сокращается влияние США и их реальные возможности. По многим показателям США обгоняют Западная Европа и Япония. Поэтому, как полагает Бжезинский, самое время задуматься о действенности американских внешнеполитических инструментов. А пока «администрация Клинтона не представила ни стратегического видения, ни здравого смысла в руководстве делом европейского будущего»⁴.

Одной из наиболее явных и неизбежных тенденций скорого будущего Бжезинский считает расширение НАТО. Для США этот вопрос действительно первостепенной важности, на протяжении десятилетий именно НАТО служил защите американских интересов на континенте. Бжезинский, приводя недавний и трагический пример конфликта в Боснии, настаивает на необходимости усиления НАТО, т. к. ООН продемонстрировала свою неготовность к решению такого рода задач. Вопрос о расширении НАТО не может быть решен, пока четко не сформулированы критерии вступления новых стран. Бжезинский делает попытку пояснить свое видение проблемы. «НАТО — это прежде всего сообщество демократических государств, мыслящих схоже, с общей политической культурой, соприкасающихся на суше и на море, и вос-

принимающих угрозу безопасности одному как угрозу всем другим. Это требует широкого консенсуса по базовым критериям для членства, включая стабильную демократическую систему, базирующуюся на функционирующей рыночной экономике, отсутствие территориальных или этнических споров, уважение к правам национальных меньшинств, законодательно закрепленный гражданский контроль над военными и т. д.»⁵. Очевидно, что большинство восточноевропейских стран не отвечает этим требованиям. Сам Бжезинский называет только четыре центральноевропейские страны — Чехию, Польшу, Венгрию и Словакию.

Настаивая на усилении активности США и использовании ими НАТО, Бжезинский жестко критикует одну из самых популярных натовских программ — «Партнерство ради мира», называя ее амбициозной и волюнтаристской. Он убеждает, что разрекламированная с таким шумом кампания не дала и уже не даст реальных результатов. Однако с ним согласны далеко не все. Такой признанный эксперт по Восточной Европе, как Ч. Гати, считает, что пока восточноевропейские государства не могут надеяться на полное членство в НАТО, они прекрасно могут использовать для сотрудничества с Западом «Партнерство ради мира», этот «эквивалент программы для бедных родственников»⁶, консультативный орган, включающий почти все европейские государства. Такого же мнения придерживается Р. Хатчингс. Он указывает также на русский фактор: пока Россия не готова примириться с вступлением восточноевропейских стран в НАТО, надо использовать «Партнерство ради мира». В отличие от многих других ученых, Хатчингс более оптимистично смотрит на возможность полного членства восточноевропейских государств в НАТО. Он уверен, что это послужит американским интересам, т. к. наилучшим образом стабилизирует обстановку в регионе, а примат стабильности — единственное, что объединяет в США людей с самыми разными взглядами⁷.

Помимо НАТО американские исследователи останавливаются и на других организациях, служащих внешнеполитическими инструментами США. Но к ним отношение еще более скептическое. ООН после югославского кризиса не вызывает доверия у американцев, то же касается СБСЕ. Совет не готов к действиям, нет механизмов, которые регулировали бы его усилия. Более того, некоторые ученые отмечают, что западноевропейские правительства реально не заинтере-

сованы в сосредоточении власти в СБСЕ⁸. Большие надежды еще несколько лет назад связывались с Североатлантическим советом по сотрудничеству, возникшим в рамках СБСЕ. Но и САСС не перерос консультативной формы, реальные события показали, что он не может гарантировать безопасность какой-либо восточноевропейской стране.

Остаются различные финансовые институты, в использовании которых США обладает огромным опытом. Сравнивая их, С. Вэбер особо отмечает деятельность Европейского банка по реконструкции и Развитию. ЕБРР отличается от других международных банков, он демонстрирует уровень сотрудничества между западными странами и ориентирует их в новом для Запада финансовом регионе — Восточной Европе⁹.

Но не говоря уже о том, что финансовые организации не могут одни решить проблемы, которые не под силу НАТО и СБСЕ, пресловутый уровень сотрудничества западных стран у трезвых аналитиков вызывает бездну сомнений. С одной стороны, менее чем когда-либо Западная Европа склонна терпеть американское руководство. Достаточное тому подтверждение — разногласия по поводу расширения НАТО. Германия выразила свое одобрение, Франция, по многим вопросам солидаризуясь с Германией, по этому проявила «равнодушие». На самом деле Франция, по мнению многих, не заинтересована в усилении НАТО¹⁰. Британия выступает скорее за расширение, чем за углубление европейской интеграции¹¹. Таким образом, США приходится серьезно считаться с возможностью остаться в меньшинстве среди своих старых союзников.

С другой стороны, Западная Европа не готова еще взять на себя ответственность за происходящее в посткоммунистическом мире. Частью, как пишет Ч. Гати, «из-за американского руководства, частью из-за кризиса самоидентификации»¹². Пока в Восточной Европе падает уровень жизни, ЕС не готово широко раскрыть им двери. Как результат наблюдается невероятное разочарование в западных соседях, т. е. происходит процесс, прямо противоположный тому, что происходил несколько лет назад. Это способствует также возвращению левых на политическую арену в Восточной Европе.

Такая ситуация — с неясными задачами, при отсутствии единства в среде союзников — глубоко тревожит большую часть американских политологов. США с каждым днем теряют шансы играть главную роль в трансформации регио-

на. Это — один из наиболее важных и парадоксальных результатов окончания «холодной войны».

Эта новая тенденция обусловлена изменением общественного мнения в США. Если в эру «холодной войны» внешнеполитическая активность была оправдана вопросами безопасности, то теперь в США широкие слои уверены, что им лично ничто не угрожает, и можно ограничиться гуманитарной помощью. Большинство верит, что целью США является защита их экономических интересов и, таким образом, на смену полноценной внешнеполитической активности приходит активность во внешней торговле, а это не одно и то же.

Именно с такой позицией ведут борьбу наиболее дальновидные американские исследователи. Они не успевают напоминать о той роли, которую регион играл в прошлом, о том деструктивном потенциале, который он сохраняет сегодня. Невнимание к восточноевропейским проблемам может стать пагубным для равновесия всей системы международных отношений. Кровавая дезинтеграция в Югославии, грозящая перехлестнуть через границы, наилучший тому пример. Большинство аналитиков сходятся в мнении, что единственный путь создания системы безопасности — включение Восточной Европы во все европейские структуры. И здесь роль США как гаранта защиты их интересов и арбитра в решении многосторонних споров может быть исключительно важной. Т. е. если в экономике американцы должны уступить место западноевропейцам и японцам, «чи модели, установки и ценности более приемлемы для восточноевропейцев, чем более индивидуалистическая модель США»¹³, то в области политического урегулирования приоритет США остается очевидным, по крайней мере очень удобным для обоснования необходимости внешнеполитической активности США, чем заняты очень многие солидные ученые.

Наиболее опасным, по их мнению, является бездействие из-за отсутствия стратегических целей. Вот почему поиски новой стратегии в новом мире занимают одно из главных мест в работах американских политологов 90-х годов.

Р. Хатчингс рисует антиутопию: «трансатлантическую крепость», запирающую ворота перед варварами. Таким может стать западное сообщество, сохраненное в рамках «холодной войны» и НАТО, действующее как орудие против возможной российской угрозы. Итогом станет в далеком или не очень далеком будущем победа «сил фрагментаризма» (авторитаризма, тоталитаризма, фашизма)¹⁴. Чтобы избежать

этого, автор видит единственное решение — сохранение руководящей роли США при укреплении их сотрудничества с ЕС и вовлечении новых демократических держав в международные институты. Возражая скептикам, которые не видят восточноевропейские страны как демократические, некоторые исследователи говорят: если они не демократичны, то в НАТО и ЕС они скорее станут такими. Америка может и должна дать им надежду¹⁵. И сами США должны пересмотреть многие из своих внешнеполитических принципов. «Главное — это то, что мы не должны ни награждать за хорошее поведение, ни наказывать за агрессивность и авторитаризм. Наши друзья сегодня не понимают нас, наши враги нас не боятся. Они увидели, что США — это бумажный тигр. Они увидели, что между громкими словами и делами США — пропасть»¹⁶. Таким образом, главная проблема — не враждебность Востока, не ненадежность Запада, а необходимость для самих американцев переориентироваться в новой ситуации. «Проблема нового мирового порядка не так концептуальная, как политическая. Она касается готовности США защищать этот «порядок», который только зарождается»¹⁷.

Таким образом, хотя работы критические по отношению к существующей американской стратегии и одновременно конструктивные по своей сути не являются преобладающими в американской политологии, но симптоматично само их проявление. Учитывая, что их авторы — это ученые с мировой известностью и реальным влиянием на политические структуры, можно говорить о новой и крайне важной тенденции в отношении США к решению региональных и мировых проблем.

Говоря о ближайших перспективах, американские ученые подчеркивают важность внешней помощи для нормального развития региона. Только значительные денежные вливания гарантируют прогресс в сторону демократии и рыночной экономики в Восточной Европе. Сегодняшний уровень помощи США (около 400 млн. долл. в год, к тому же направленных главным образом в Центральную Европу) явно недостаточен. Необходимо внимание ко всем странам от Балтики до Балкан. Особенно к самим Балканам. «Будет большой ошибкой со стороны Запада рассматривать Балканы как место, где мир можно установить, разделив народы и построив между ними высокие стены, с ооновскими «голубыми касками», патрулирующими их по периметру. США должны подготовить и осуществить меры, необходимые для

поддержки тех, кто защищается от агрессии, включая участие американских сил в миротворческих операциях»¹⁸. Возникает вопрос: кто проконтролирует контролирующего, т. к. именно на эту роль верховного арбитра ориентируют США американские консерваторы.

С другой стороны, понятно нежелание американцев оставаться в стороне от глобальных вопросов международной жизни. А по их мнению, альтернатива будет только одна — радикализм или справа, или слева. То, что В. Гавел назвал «посткоммунистическим лочным кошмаром» — кошмаром авторитарного ультра национализма¹⁹.

Если же к голосам специалистов прислушаются и США более активно будет участвовать в решении восточноевропейских проблем, то, по мнению футурологов, до конца века Польша, Венгрия, Чехия и Словакия войдут в НАТО как полноправные его члены, к 2010 г. Европа включит некоторые южноевропейские государства (Румынию, Болгарию), а к 2020 г. мечта Ш. де Голля о единой и свободной Европе от Атлантики до Урала может осуществиться²⁰.

Отношения США и Восточной Европы за последние несколько лет претерпели значительную эволюцию и это связано с теми общими тенденциями, которые наметились в международных отношениях эры после «холодной войны». Большинство ученых полагает, что главная линия движения — это переход от биполярной к мультиполярной системе. Во-вторых, «мир сейчас характеризуется двумя противоположными процессами: локальной интеграцией и глобальным хаосом, при этом первый является причиной второго»²¹. Мир стал менее безопасным: количество военных конфликтов среди менее развитых наций увеличилось. В-третьих, разделение народов изменилось: на смену идеологическим, политическим, экономическим или социальным критериям приходят цивилизационные. (Примером не групповых, а цивилизационных конфликтов американские ученые считают конфликты в Боснии, Кашмире, на Кавказе). Мир остается разделенным, но после падения «железного занавеса» он разделен не на Восток и Запад, а на бедные и богатые страны, условно — на Север и Юг.

Восточноевропейская политика США в этих новых условиях оказывается подчиненной решению глобальных задач американской стратегии. Поскольку в их число входит поддержка демократических сил прозападной ориентации, для

сохранения стабильности системы международных отношений, восточноевропейский регион сохранит свою роль в системе приоритетов внешней политики США.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Hutchings R. The «Eastern Question» Revisited. Problems of Postcommunism. — 1994. — Vol. 41. — P. 47.
2. Ibid. — P. 46.
3. Brzezinski Z. A Plan for Europa. Foreign Affairs. — 1995. — Vol. 74. — № 1. — P. 26.
4. Ibid. — P. 27.
5. Ibid. — P. 32.
6. Ibid. — P. 32.
7. Hutchings R. Op. cit. — P. 47.
8. Dunay P. Adversaries All Around? (Re) Nationalization of Security and Defence Policies in Central and Eastern Europe. The Hague: Clingendael. — 1994. — P. 53.
9. Weber S. Origins of the European Bank for Reconstruction and Development. International Organization. — Vol. 48. — № 1. — 1994. — P. 2.
10. Ned Lebow R. The Long Peace, the End of the Cold War, and the Failure of Realism. International Organization. — 1994. — Vol. 48. — № 2. — P. 249.
11. Brzezinski Z. Op. cit. — P. 42.
12. Gati Ch. Central and Eastern Europe: How is Democracy Doing? Problems of Postcommunism. — 1994. — Vol. 41. — P. 43.
13. Mason D. Attitudes toward the Market and Political Participation in the Postcommunist States. Slavic Review. — 1995. — Vol. 54. — № 2. — P. 393.
14. Hutchings R. Op. cit. — P. 48.
15. Koslovski R., Kratochwil F. Understanding Change in International Politics: the Soviet Empire's Demise and the International System. International Organization. — 1994. — Vol. 48. — № 2. — P. 215.
16. Gati Ch. Op. cit. — P. 43.
17. Hutchings R. Op. cit. — P. 46.
18. Ibid. — P. 47.
19. Ibid. — P. 47.
20. Brzezinski Z. — P. 34.
21. Huntjington S. Speech at the USIP Conference on 30 November 1994.